

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

МЕТА МОРФОЗА

ОСТРОВ

Ульяна Соболева

HeOn

Ульяна Соболева

**Остров Д. Метаморфоза.
Вторая книга**

«Ульяна Соболева»

2017

Соболева У.

Остров Д. Метаморфоза. Вторая книга / У. Соболева — «Ульяна Соболева», 2017 — (HeOn)

Во второй части дилогии происходит кровавая стычка между игроками и неживыми. Жуткие неоновые твари, Меты, вырываются из-за стены, пожирая и заражая все живое вокруг. И Маране все же придется сделать выбор, и этот выбор окажется намного страшнее, чем тот, который перед ней поставил Советник. В оформлении обложки использована фотография автора rdrgraphe (Stephane Boussoutroux) ресурс depositphotos. Лицензия 140144252. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Глава 1. Неон	5
Глава 2. Неон	10
Глава 3. Марана	15
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Глава 1. Неон

Я смотрел, как она моет волосы, склонившись над чаном с водой, и ощущал яростное сплетение злости и радости. Адский водоворот противоречивых эмоций с самого первого мгновения, как увидел ее здесь на острове.

Маленькая дрянь таки ослушалась меня и вышла из корпуса. Могла жизнью поплатиться. Но это Найса Райс. Чертовски умная сучка, которая прекрасно знает, как нужно себя вести, чтоб окружающие ее не сожрали. Это в ней было еще с детства, когда она манипулировала каждым, кто приближался к ней. И мной, в первую очередь. Самая первая эмоция, которую я испытал к ней, была ненависть, а потом восхищение и снова жгучая ненависть. Я жил с этим долгие годы. Воевал сам с собой, с ней, с окружающими и никак не мог понять, почему могу одновременно любить ее до остервенения и так же сильно ненавидеть. Бывало, одно из чувств начинало преобладать, и тогда я либо с ума сходил от беспредельной нежности, либо зверел от дикой ярости и желал ей смерти. Мне хотелось одновременно раздробить ей все кости и свернуть шею и в тот же момент стоять перед ней на коленях и целовать ее ноги за то, что ходит ими со мной по одной земле и дает мне это невыносимое счастье – быть любимым ею.

Моя маленькая бабочка, ради которой я мог превращаться в святого или в самого порочного и ненасытного дьявола. За годы, проведенные на острове, я думал, что изменился, что выдрал её из своего сердца и выстроил между нами стену. Она там, счастливая, свободная, и я здесь – смертник, приговоренный к пожизненному и не смеющий вернуться обратно, потому что не заслужил. Все, что я мог сделать ради всех тех, кто погиб во имя справедливости – это воевать с системой дальше. Лишить Корпорацию основного дохода от игры, сломать их машину смерти и повернуть против них самих или умереть, как и многие другие игроки. Я все еще надеялся что-то изменить. Заставить людей раскрыть глаза и понять, что им нагло лгут и держат за идиотов.

Мне уже доложили о спасенном ребенке и о mine. Как и том, что она сделала. Вначале я не поверил. Откуда Найсе знать о взрывных устройствах и о том, как их обезвреживать? Но она знала. И теперь я смотрел на нее и думал о том, что именно о ней знаю я.

Когда последний раз видел её, она все еще была испуганной девчонкой, ввязавшейся во взрослую войну и пытавшейся спасти нас всех от ярости Императора. Девчонкой, которая смотрела в глаза нашему отцу и умоляла простить нас за совершенный грех, которая не побоялась сказать ему, что любит меня и никогда не отступится.

Я тогда сделал всё, чтоб её отпустили. Выторговал ей жизнь. Какой ценой? На хрен кому-то об этом знать? Это только на моей совести. И я никогда не разрешал себе вспоминать об этом. Только по ночам слышал проклятия тех, кого казнили на площади. Они мне снились, все те, кого я слил и утянул за собой ради нее следственному комитету. Слил вместе с документами, конспектами, чертежами и видеосъемками. Отдал все улики и собранный годами материал с именами моих товарищей. Да, я это сделал. Увидел ее за толстым стеклом, стоящую на четвереньках, исторгающую содержимое желудка после того, как один из палачей бил ее ногами по ребрам, и понял, что не выдержу. Еще раз ударит, и я сойду с ума. Словно вся её боль обрушилась камнепадом мне на голову и погребла под собой угрызения совести, принципы, убеждения. Я согласился говорить в обмен на ее свободу. В обмен на бумажку о помиловании, которую подписал сам император, и не я открыл рта, пока Найсу не вывезли за территорию города с новыми документами. Такова была цена за её жизнь, и я заплатил её, не задумываясь.

Тогда я должен был сдохнуть вместе с ними. Меня все устраивало. Я был согласен на что угодно, лишь бы она выжила. Да, я подлый сукин сын и проклятый предатель. А мне плевать. Когда-нибудь на том свете я за все отвечу и позволю полусгнившим призракам из моего про-

шлого выпустить мне кишки и обглодать мои кости. Но я поступил бы снова точно так же. Я выбрал бы её. Потому что она – это я сам. Она моя кровь, моя женщина, моя жизнь и проживет ее за нас обоих. Будет счастлива без меня, устроит свою судьбу и умрет в своей постели, будучи старой женщиной, а я дождусь ее там, за чертой и уведу в нашу пещеру, усыпанную цветами Раона. Последнее, о чем я попросил у Советника – это встреча с отцом. Наверное, я остро нуждался в его прощении. Перед смертью это было для меня важно. Сказать ему, что люблю его, горжусь им и буду счастлив умереть вместе с ним. Если бы я мог спасти не только Найсу... но я не мог.

Меня привели в его камеру, и мы с ним долго молча смотрели друг другу в глаза. Избитые, окровавленные и поломанные на части. Он – потому что понял, на кого работал все это время, а я – потому что предал дело всей своей жизни. Отец тогда не сказал мне ни слова. Да и не нужно это было. Нас, наверняка, прослушивали. Лишь напоследок он сделал шаг ко мне и рывком обнял.

– Спасибо.

Я отстранился, чтобы посмотреть ему в глаза, и не смог, мои затянуло пеленой, которая жгла веки и мешала дышать.

– За Найсу... Ты поступил правильно, сын. Не казни себя. Они все равно мертвецы. И я мертвец.

Никто не знает, что, когда меня тащили по коридорам с завязанными глазами, я думал о ней. Вспоминал её глаза, улыбку, запах волос и кожи... Вот там, где шея, чуть ниже мочки уха. Там особенно сильно всегда пахло ею. У меня перед глазами проносилась вся наша жизнь. От первого дня, когда увидел её, до последнего, когда солдаты запикивали Найсу в крытый грузовик. Я помнил, как пообещал ей, что все будет хорошо. После того, как снял с парапета и отлюбил прямо на крыше, под шипение метов, скрежет их когтей по стеклам и вонь разложившихся тел. Потом я гладил ее по мокрым щекам, целовал глаза, руки, волосы и обещал, что с ней ничего не случится. Что я не позволю. Сдохну сам, но ей не позволю.

Когда понял, что меня оставили в живых, бился о каменные стены и выл, ломал ногти. Я должен был быть сожжен там, вместе с остальными. Рядом с отцом и матерью, рядом с моими товарищами, которых предал. Это было мое личное наказание, моя кара. Но кто-то свыше наказал меня намного изощренней. Оставил жить со всем этим, чтобы потом я смог узнать, как Найса счастлива с другим, что она вышла замуж за Пирса, покинула пределы города вместе с ним. Да, это и был персональный ад для меня. Я мечтал о смерти. Я жаждал ее и искал с ней встречи. Но эта сука меня предала так же, как и я всех тех, кто мне доверял. Смерть не пришла ни на одно свидание со мной. Костлявая тварь динамила меня раз за разом, зато утатила жизни всех, кого я любил. А потом подсовывала мне по ночам их лица, голоса, чтобы я орал и, скрючившись, катался по полу в приступе панической ненависти к себе.

Первые дни я срывал горло, требуя меня расстрелять. Я умолял охрану вышибить мне мозги и грозился сделать это сам. Бился головой о стены и выломал все пальцы на руках. Меня тогда жестоко избивали и посадили на короткую цепь. Кормили с палки, на конец которой нанизывали мясо или хлеб. Никто не решался ко мне приблизиться, потому что я мог порвать зубами или выдрать сердце голыми руками. Последний охранник, который рискнул подойти ко мне, умер от того, что я выгрыз ему кадык, когда он склонился надо мной, решив, что я сдох после недели голодовки. Я никого не подпускал к его трупу и хохотал окровавленным ртом, глядя как остальные охранники блюют на пол. Меня тогда скрутили несколько человек и приковали к стене, как бешеное животное. В наморднике и с кандалами на руках и ногах под воздействием тока.

Мне давали каждый день смотреть на казнь моих друзей и матери с отцом. Я горел там заживо вместе с ними снова и снова. Скрежетал зубами и рыдал от бессилия и ненависти к себе. Но я не жалел. Я точно знал, что поступил бы так же снова.

Меня просто ломали. Крошили и дробили мою психику, но черта с два у них что-то вышло. Я и сам был бы рад слететь с катушек. Но мой разум вцепился в меня мёртвой хваткой так же, как и безумие. Они переплелись в клубок настолько плотный, что я сам не понимал, где мыслю трезво, а где мною руководит адская жажда смерти и крови. Я просто хотел, чтобы меня казнили. Я делал для этого все, но вместо казни, спустя несколько недель меня отправили на Остров. Это и стало их ошибкой. Я думаю, они не раз пожалели об этом с той самой минуты, как все вышло у них из-под контроля. Потому что я превратился в того самого монстра, которого они так боялись, когда держали меня в клетке. Теперь мне было уже нечего терять, и я не боялся смерти.

Найса не видела меня, она смывала грязь с волос, пока Лола сливала ей на голову воду. А я стоял в дверях барака, сложив руки на груди, и чувствовал, как поднимается изнутри волна подозрений, как отравляет меня ядом, мешая наслаждаться её присутствием. Я больше не тот Мадан, который верил ей безоговорочно. Слишком много опыта, потерь и предательств видел и совершил, чтобы не понимать – Найса мне лжет. Лгала с самого начала. Она – не та, за кого себя выдает, либо она мне много недоговаривает. И я был намерен узнать правду сегодня... Потому что хотел начать дышать снова. И никто, кроме нее, не мог вернуть моим легким кислород. Смотрел, как вода стекает по ее лицу и темным волосам, как намочила майка и прилипла к телу, и меня снова скручивало от дикого голода по ней. От жажды снова получить хотя бы кусочек своего наркотика. Одну дозу. Ощутить ее тело под пальцами, под собой и успокоиться... и снова как ударом под дых – она мне лжет. Моя Найса больше не моя. Она чужая. Она здесь совсем не по той причине, по которой мне бы хотелось.

Я кивнул Лоле на дверь и медленно подошел к ним, ступая неслышно по каменному полу.

– Ну же, лей еще. Я потерплю.

Женщина поставила кувшин на пол, а я поднял и сам вылил воду на темно-каштановые пряди. Наверное, она меня почувствовала. Напряглась, плеснула водой себе в лицо, но я не дал опомниться, схватил за затылок и окунул в чан.

Сука такая! Каждый раз, как думаю о том, что ради неё сделал, о том, что ради нее убил всех, кто был мне дорог, хочется самому свернуть ей шею. За то, что тут оказалась. За то, что не уберегла себя. За то, что смотрит на меня с этой ненавистью. За то, что лжет мне!

Найса пыталась вырваться, схватить меня за рубашку, но я окунул ее почти наполовину и удерживал двумя руками так долго, пока она не перестала барахтаться, а потом рывком вытащил и рванул к себе, глядя как кашляет, как задыхается, хватаясь за горло.

– Значит, случайно тут оказалась? Отвечай?

Быстро кивает, и я снова окунаю её в чан, удерживая под водой и думая о том, что только солдат, который столкнулся с минами лично, мог обезвредить взрывчатку. Солдат специального подразделения... или... или наемник, который сам мог такие изготовить. Снова выдернул ее из чана и теперь, глядя, как она захлёбывается и кашляет, наотмашь ударил по щеке.

– Кто научил?! Говори, Най, иначе утоплю на хрен! Не смей мне лгать! Кто тебя послал сюда?

Молчит, ни слова не говорит и ни о чем не просит. Только задыхается и кашляет, убирает волосы с лица, глядя мне в глаза. Не боится. Нет. Смотрит с вызовом и все той же ненавистью вперемешку с каким-то отчаянным триумфом.

– Никто... сама, – выдавила из себя и, когда снова хотел окунуть в воду, вцепилась руками мне в плечи и, не обращая внимание на мои пальцы, удерживающие ее за волосы, впилась в мои губы губами. От неожиданности замер, и по всему телу прошел заряд электричества, – тебя искала... – продолжает целовать, царапая ногтями мне затылок, – Твоя жизнь – моя жизнь. Помнишь?

– Не помню, – а самого трясет от желания снова губы ее чувствовать.

– Помнишь...по глазам вижу, что помнишь.

– На хрен мне тебя вспоминать?

Замахнулась, а я перехватил руку и вывернул назад.

– Я, бл**ь, и не забывал никогда...Зачем ты здесь, Най, не лги мне...не лги мне, Бабочка.

– Сдохнуть здесь с тобой хочу.

Сукаааа...хитрая, подлая сука. Знает, что сказать...Но как же хочется верить ей. Хочется жадно впитывать каждое признание. А сам уже опьянел от вкуса ее мокрого рта и горячего дыхания. Сам не понимаю, как жадно целую в ответ. Жестоко кусая нижнюю губу, сплетая язык с ее языком, давая почувствовать вкус ее крови вместе с моим прерывистым дыханием, пожирая ее стоны, глотая их и не давая ей вздохнуть. Опустил одну руку на мокрую спину и вдавил Найсу в себя, впиваясь в губы сильнее, жестче, царапая нежные щеки щетиной. Сжимаю ее до хруста в ребрах, приподнимая одной рукой. Целуемся, как бешеные, сбивая чан с водой на пол, врезаясь в стол и полки. Прижал её к стене, задирая майку наверх и обхватывая жадными руками её грудь, чувствуя, как острые соски упираются в ладони и выдыхая ей в рот от нетерпения. Укусила за губу, заставив дернуться, и хрипло простонала:

– Убить тебя пришла, Мадан.

Почувствовал, как в грудь уперлось дуло пистолета. Выхватила у меня из-за пояса. Оторвал её от себя, продолжая смотреть в глаза, чтобы понять, когда сдохну от ее выстрела: до того, как спустит курок, или после. Чтобы по глазам увидеть...А там адское безумие плещется, водоворотом, воронкой смертоносного торнадо. Я этот взгляд помню, у меня от него член болезненно дергается и сжимаются яйца от бешеного физического голода по ней.

Усмехнулся и дернул пуговицу на ее штанах, просовывая ладонь под ткань трусиков, придавливая сильнее к стене, так, что дуло до дикой боли впивается мне под ребро, а мне плевать, меня от другой боли трясет, ломает, скручивает. Рывком двумя пальцами в нее и застонал, когда глаза закатили.

– Так убей... Давай, Бабочка, стреляй.

– Я, – жадно целует меня в шею, прикусывая кожу, оставляя следы, – я выстрелю, – стонет мне в плечо.

– Выстрелишь, – скольжу пальцами внутри нее, видя, как запрокидывает голову, кусая губы, – обязательно выстрелишь... я тебе обещаю.

Подалась вперед, а я чувствую, как меня уносит от этого ощущения снова быть внутри нее. Я дьявольски истосковался по скольжению моих пальцев в ней, по ее стонам, крикам, хаотичному дыханию. По вот этим рваным движениям бедер и закатившимся глазам. По ней до боли истосковался. До смерти, бл**ь! И мне кажется я готов закрыть глаза на все. Пусть только смотрит вот так, пусть льнет ко мне и хрипит мое имя.

Рычу ей в губы и снова вбиваюсь в нее на всю длину пальцев, так глубоко, как только возможно, продолжая смотреть в глаза и понимая, что одно неверное движение – и она проделает у меня в груди дыру. Но мне и на это плевать. Я слишком сильно хочу ее.

– Оглушительно громко выстрелишь для меня.

Ускоряя толчки, растирая клитор и погружаясь в нее еще резче. Так быстро, что у меня сводит запястье от этих яростных движений. Она пульсирует под моими ласками... так быстро и горячо пульсирует, что меня самого начинает трясти от желания почувствовать ее оргазм членом. Найса стонет все быстрее и громче, опустив руку с пистолетом, вздрагивая от каждого толчка, впиваясь другой рукой в мои волосы. Вскрикнула одновременно с выстрелом в пол, и я выбил ствол, завел ее руки назад, все еще продолжая трахать пальцами, чувствуя, как течет мне на руку, извиваясь и хватая губами воздух.

– Не останавливайся, – задыхается, впиваясь в мои губы, – пожалуйста, Мадан...

Наклонил голову, чтобы впиться зубами в ее сосок, не прекращая двигаться, пронзая её жестко и ритмично, пока она замерла и не выгнулась назад, и гортанным стоном мое имя, сокращаясь вокруг моих пальцев, вздрагивая всем телом. Рывком сдираю с нее штаны вниз, стягивая вместе с ботинками. Подхватив одну ногу под колено и лихорадочно сжимая ее грудь другой рукой. Захлебнулся мучительным стоном и тут же ворвался языком в рот. По-звериному зарычал, расстегивая ширинку, скользя голодными пальцами между нашими телами, отодвигая полоску трусиков и ни на секунду не отпуская ее губы. Сначала голод. Мой голод. Потом я буду любить ее, мучить, истязать, а сейчас трахать. Быстро и торопливо, как солдат после воздержания или гребаный заключенный, у которого хрен знает сколько не было женщины. Коснулся головкой члена ее лона и с рыком вошел. На всю длину, пожирая стон и отдавая хриплый рык ей в губы. И бешеными толчками в ней, дрожа от напряжения, сжимая ее за горло и целуя до исступления, кусая губы, язык, ударяясь о ее зубы. Прости, бабочка. Нет сил ждать. Я поиграю с тобой чуть позже. А сейчас ТРАХАТЬ! Я хочу кончить в нее и я близок к тому, чтобы залить ее всю потоками своего голода. Не давая дышать и вламываясь жестко и быстро в ее тело, сжимая грудь, щипая острые соски и снова хватая за горло, продолжая пожирать ее дыхание. Хочу тебя, девочка. Чувствуешь, как дико я тебя хочу? Кричит подо мной, царапая мою спину под рубашкой, сжимает меня сильными спазмами, тянет за собой, срывает все планки, и я толкаюсь в ней быстрее и яростней, под каждую судорогу стону сам, хрипло и низко, вперемешку с рычанием, пока не накрывает острым безумием...сжимая ягодицы обеими руками, изливаться бесконечно долго. Моя одержимость вырывается наружу диким оргазмом, от которого сводит судорогой все тело, и я кричу, широко раскрыв рот, закатив глаза от запредельного кайфа, зарываясь лицом в ее мокрые волосы. Бесконечные минуты нирваны, пока дрожим оба от наслаждения и облегчения.

Отдышался и посмотрел ей в глаза:

– Что ж не убила, а, Бабочка?

Она прислонилась лбом к моему лбу, все еще тяжело дыша.

– Я убью тебя...потом... в другой раз.

И нашла мои губы. Я так и не понял, они соленые от крови или от её слёз.

За поясом затрещала рация:

– У нас прорыв с южной стороны. Люди Фрайя здесь. Обошли мины.

Не отрывая взгляда от ее лица, поднес рацию к губам:

– Сейчас буду.

Глава 2. Неон

Их было около десяти человек: вооружены стволами и легкими стрелами с железными наконечниками, разукрашенные краской, все в зеленом камуфляже. Думали, их не заметят. Но ребята на вышке спалили лазутчиков, едва они появились на нашей территории. Фрай решил с нами справиться отрядом из десятка парней-солдат? Если это так, то он меня разочаровал. Быть мудаком – это не так страшно, чем быть мудаком-идиотом. Я приложил палец к губам и махнул рукой, показывая своим ребятам окружать придурков, которые ползли на животах между минами. Притом, ползли довольно уверенно, словно им кто-то нарисовал карту минного поля. Я отдал приказ убирать всех. Если бы среди них были игроки, мы бы вели себя иначе, но солдат Фрая я не собирался жалеть – чем меньше их станет, тем больше шансов у нас взять южную часть Острова под свой контроль.

Мы их перестреляли в два счета, некоторые подорвались, пытаясь сбежать. И в какой-то момент я начал понимать, что здесь что-то не так. Слишком все просто. Если бы это были отбившиеся или сбежавшие игроки, я бы еще мог поверить в неадекватность их поведения, но не солдаты. Когда я все понял, было уже поздно.

Ошибку сделал не Фрай, а я...когда даже мысли не допустил, что мудака окажется настолько мудаком, что подставит десять человек под удар, сделав приманкой для нас и организовав более серьезную западню. Это не мы их окружили, а они нас. Сзади по периметру. И едва наши открыли огонь по мишеням, сзади открыли огонь по нам. Из-за деревьев, прямо в спины. Я слишком поздно это понял, и, когда заорал нашим падать на землю, мы потеряли уже человек пять. Затихли. Твою ж мать... Я лихорадочно думал, что теперь. Если ползти вперед, мои пацаны подорвутся на минах, а если отходить назад, нас изрешетят. Мы у Фраевских как на ладони. Выбирай мишень и мочи. Рик подполз ко мне и пригнул голову, когда просвистела пуля и зарылась где-то в землю позади нас.

– Мы в дерьме, Нео. В полном, мать его, дерьме.

– Вижу... Что наши говорят? Видят их?

– Нет. Там несколько снайперов. Они просто снимают движущиеся мишени, и наши не могут выйти из укрытий. Сука хорошо подготовился. Держит на прицеле все позиции. Я думаю, с восточной вышки было бы видно, но наши не высовываются. Снайперы где-то на деревьях.

– Так. Отдавай приказ выбираться на вышку. Пусть прорываются, иначе мы в этой западне будем лежать сутками. Передай: по цепочке ползти к насыпи у колючки и не высовываться.

– Понял тебя.

Кто-то из ребят поднялся и тут же получил пулю в спину, я грязно выругался, а Рик стиснул челюсти до хруста.

– Вик... чтоб его, придурок! Эй?! Живой?

– В плечо попали. Жив!

– Еще раз встанешь – сам застрелю.

Затрещала рация, и Ияс принял вызов Рика. Я перевернулся на живот, выглядывая из-за насыпи, рассматривая базу и высокий забор. Послышались выстрелы, и мы все затаились, выжидая новостей от Ияса.

– Не дают подступиться, Нео. Снимают каждого, кто появляется в пределах их видимости.

– Твою ж мать.

Я сжал волосы пальцами, лихорадочно думая, как выбраться из западни. Мы увели половину ребят с собой. На базе плохая защита. Если Фрай все же не идиот, он этим воспользуется. Его снайперы уже давно донесли, сколько нас здесь.

– Давай, я отвлеку, а ты попробуй снять снайперов, – тихо сказал Рик.

– Охренел? Да тебя подстрелят, только ты пошевелишься.

– Я на раз-два-три-упал. Давай, как при взятии города, помнишь? Когда мы снайперов императора лупили?

– Помню, мать твою. Тебе тогда бедро прострелили и я, бл**ь, три часа тебя на себе тащил.

– Зато ты снял троих стрелков с крыши, наши прорвались в город, и мы людей спасли.

Тяжело дыша, я снова перевернулся на спину. Да, он прав. У нас нет выбора. Нужно что-то делать. Черт его знает, что происходит в лагере, пока мы тут валяемся.словно в ответ на мои мысли снова затрещала рация.

– Они подбираются к базе, с другой стороны. Всех наших с вышек сняли. Слышите меня? У нас нападение на базу!

– Слышим, мать твою. Держите ворота. Укрепите грузовиками. Будьте готовы дать жесткий отпор, но не пускайте их. Ценой жизни не пускайте. Если возьмут базу – нам конец.

Посмотрел на Рика.

– Давай. Раз-два-три и упал. Понял? И без геройства.

Он кивнул, а я перезарядил винтовку и подтянулся к насыпи, вглядываясь в густую крону деревьев. Где-то там притаились твари. Мне придется стрелять после того, как выстрелят они. В темноте я увижу вспышку дульного пламени. Как же я так облажался, мать их?

– Ну что, Нео? Как в старые добрые времена? Запевай, брат.

– Да пошел ты. Спою, когда задница твоя уцелеет.

– Да ладно. Давай нашу любимую.

Я выйду против всех.

Армия семи стран не совладеет со мной.

Они обдерут до нитки,

Действуя без спешки прямо за моей спиной.

И я говорю сам с собой в ночи,

Я не могу забыть.

Так и вертится в голове,

За сигаретой.

А мои глаза посылают сигнал:

«Оставь эту мысль».

(с) Seven nation army (White stripes)

Он поднялся. Два шага и упал. Между деревьев вспыхнул огонек, и уже через секунду пуля просвистела где-то рядом с нами, и я выстрелил. Понять, попал или нет, не смог. Проверять только на живца. Рик снова встал и не успел пригнуться, как пуля цепанула его, и он с рыком упал на спину.

– Бл**ь!

– Тихо-тихо! – пополз к нему, ощупывая рану на ноге, – Навылет. Жить будешь.

– Быстро-то как, вот суки. Но ты видел, стреляют двое? У них всего два снайпера.

– Это для нас хуже целого отряда. Они не выпустят нас отсюда. А сами тем временем окружают базу. Мать твою! Как же я так...

И я знал, как. Я отвлекся. Я с ее появлением на острове вообще с катушек сорвался. Меня просто уносит и рвет на части. Потому что рядом, и я о ней думаю...о ней гребаные двадцать пять часов в сутки и шестьдесят пять минут в час. Чтоб ее, сучку мелкую! снова затрещала рация.

– Мад, – вздрогнул от звука её голоса...Она, что, мысли мои читает? Слышит на расстоянии? Откуда взялась сейчас из самого ада моей души? – Мад, ты здесь?

Посмотрел на Рика, а тот усмехнулся и поморщился, когда я ногу его перетянул жгутом чуть выше колена.

– Маааад! Отзовись! Ты цел?

– Здесь, Найса. Я здесь. Цел.

– Я залезла на вышку... через коммуникации под землей. Нас трое женщин. Только мы смогли...

Усмехнулся. Самые худые и мелкие пролезли через трубу. Моя ж ты девочка. Закрыв глаза, словно вживую представляя ее лицо с огромными, испуганными глазами, как рацию сжимает тонкими пальцами. Если б ты знала, как голос твой хотел слышать все эти годы. Как представлял его себе и бился головой о стену, потому что так плохо его запомнил.

– Мы их снимем, Мадан. Продолжайте отвлекать.

– Понял тебя.

– Только умоляю. Не на раз-два-три, слышишь? Это много, Мадан.

И это знает... Кем же ты стала, Найса Райс? В каком дерьме успела побывать? Я вернусь, и мы опять поговорим об этом... только сначала я буду долго ласкать твоё тело, так долго, пока пальцы судорогой не сведет. Я устал воевать с тобой, девочка. Я пи***ц как устал. Любить тебя хочу. Прямо в этом пекле любить так, как не мог там... В Раю без войны.

– Слышу.

– Я люблю тебя...

Сам не понял, как улыбаюсь... пекло запахло её волосами и телом.

– Я знаю.

И добавил.

– Не высовывайтесь. После выстрела сразу на живот.

– Скажи!

– Сказал – не высовывайся.

– Не это...

– Зачем? Ты же знаешь. Знаешь?

Помолчала, а потом так же тихо добавила.

– Знаю.

Посмотрел на Рика, но тот, кажется, вырубился. Я тронул его шею пальцами – живой. Ну что начнем представление. Резко поднялся во весь рост и тут же пригнулся к земле. Выстрел последовал сразу. Быстрый взгляд на вышку – яркий огонек, и свист пули прорезал тишину. Следом за ним еще один в обратную сторону. Суки! Оба снайпера в работе. Я не попал, и она не попала.

– Мааад! – крик в рацию.

– Живой.

Снова встал во весь рост... Так не пойдет. Надо дольше. Надо, чтоб несколько выстрелов. Я ж везучий сукин сын, разве нет? Побежал в сторону деревьев. Выстрелы раздавались один за другим. Со смертью мы часто играем в прятки. Похоже, сейчас ее очередь меня искать. А вот он я! Или слишком быстро бегая для тебя, старая?

Подальше от этого театра навсегда.

Буду работать среди соломы,

Да так, чтобы пот лился ручьём.

Я истекаю, истекаю, истекаю

Кровью перед богом.

Все слова вытекут из меня,

И я закончу петь.

А пятна от моей крови велят:

«Возвращайся домой».

(c) Seven nation army (White stripes)

Послышался треск веток. И что-то с грохотом упало на землю. Молодец, девочка! Сняла одного!

– Маад, – снова ее голос в радиии, – Маад! – Уже громко, истерически громко.

– Живооой, Бабочка, живой.

Упал на живот, чтобы отдышаться, глядя на звезды. Еще один рывок вперед, отвлекая снайпера и надеясь, что мелкая попадет в него, как можно быстрее, а то так можно и разозлить старуху. Выстрелы раздавались почти беспрерывно. Я склонялся к земле и снова бежал к дороге, отвлекая огонь на себя и надеясь, что парни ползут в сторону деревьев, а не ждут моего приказа.

Когда все стихло, я все еще стоял в полный рост... а потом рассмеялся.

– Бабочка!

В радиии тишина, и по телу поползла ледяная паутина ужаса. Схватил радию и сжал в пальцах до боли в суставах.

– Найса! Ответь, мать твою?! Живая?

– Живая! Лолу зацепили... Наши открыли огонь. Слышишь? У нас получилось!

Я слышал. Я отчетливо слышал вакханалию у базы и смеялся. Вот так, суки, вы все же облажались. И в этот момент почувствовал, как пуля впилась мне в бок, упал на колени, прижимая руку к ране. Я не понял, откуда стреляли, оглядывался по сторонам... но ведь там наши? Или кто-то из Фраевских солдат выжил?

– Мад... не молчи.

– Все хорошо, маленькая. Все хорошо.

– Лжешь. Я больше тебя не вижу. Где ты?

– Отдыхаю. Скоро пойду дальше.

– Лжешь! Тебя ранили, да?

– Слегка зацепили.

– Куда?

– В бок. Чуть мяса выдрало. Не серьезно.

– Я заберу тебя оттуда!

– Не высовывайся из лагеря. Не выходи, слышишь? Там месилово. Не смей. Это приказ!

– Плевать я хотела на твои приказы, Мадан Райс. Ты мне не командир.

Лег опять на спину, зажимая рану рукой.

– А кто я тебе?

– Мой.

– Твой кто, девочка?

– Мой и все. Какая разница кто. Просто мой.

– Приказ не нарушать! Поняла?! На месте оставайся! Меня Ияс заберет.

Она слегка задышалась, и я понял, что ползет обратно по трубе, голос доносится в какой-то глухой тишине. Опустил руку с рацией и нащупал пистолет за поясом. Меня подстрелил кто-то из наших. Этот же «кто-то» передал карту Фраю. Набрал на радиии комбинацию цифр, связываясь с Иясом.

– Что у вас?

– Они отступают, Мад. У нас раненые и четверо убитых дозорных. Отстреляемся и выйдем за вами. Ваши потери?

– Пока не знаю. Рик ранен. Меня слегка задело. Берегите патроны. Они и так уйдут. Не добивайте.

– Понял тебя. Держитесь. Мы скоро.

Закрыл глаза, зажимая бок и чувствуя, как кровь сочится сквозь пальцы. А потом резко распахнул глаза, почувствовав, что кто-то стоит надо мной, направив на меня пушку. Ухмыльнулся, узнав одного из игроков-перебежчиков, которого спасли от казни несколько недель назад.

– Что ж с первого раза промазал, м? Или снайпера своего испугался?

– Так я сейчас не промажу! Ты брата моего убил, сука!

– Мои соболезнования, – я поморщился и достал из-за пазухи флягу, – не дергайся, дай спирту хлебнуть перед смертью. Помянуть братца твоего, хотя я в упор не знаю, кто это был.

– Хлебай. Все равно пристрелю.

Сделал большой глоток алкоголя и выдохнул, когда горло перехватило огнем.

– Так кем был твой брат?

– Тебе какая разница, мразь?! Будь ты проклят и молись – ты сейчас сдохнешь.

– Т-ц-ц. Я не верю в Бога, и я и так проклят.

Вдалеке раздался рокот приближающегося мотоцикла, и в ту же секунду парень взмахнул руками и завалился на спину, мне на лицо брызнула его кровь, и я вытер её тыльной стороной ладони и сделал еще один глоток спирта.

– Упокой, Господи, его душу без молитвы.

Приподнялся, опираясь на локоть, вглядываясь в силуэт на мотоцикле. Узнал, и внутри что-то дернулось. Упрямая ведьма. Таки приехала. Шлем сняла, и волосы веером взметнулись. Бежит ко мне и уже через секунду губами горячими лицо обжигает, стоя на коленях.

– Расстреляю за то, что приказа ослушалась, – а сам отвечаю на ее поцелуи и волосы глажу ладонью окровавленной. – дура мелкая...

– А как же только после тебя? – улыбается и трется щекой о мою щеку, и я млею, бл**ь... плыву на хрен на волнах бешеного кайфа от этой улыбки. Сколько лет она мне не улыбалась?

– Поэтому не сегодня, – улыбаюсь в ответ, а она на ладони мои окровавленные смотрит и лихорадочно футболку задирает, открывая рану.

– И правда, слегка.

– Ну я же сказал, – пока смачивает вату спиртом, глажу ее волосы, пропуская сквозь пальцы, и, когда обжигает дикой болью, продолжаю гладить. Я подышать от боли буду, но, если она рядом, ни одна анестезия не нужна.

– Ты – лжец.

Заставил посмотреть себе в глаза и сильнее прижал ее пальцы с ватой к своему боку.

– Я никогда не лгал тебе, Бабочка.

– Лгал...

Глава 3. Марана

Я чувствовала, как обнимает меня сзади горячими ладонями и дышит в затылок... прикусывает кожу... под рев мотоцикла, и пальцы мне ребра сжимают все сильнее и сильнее. Под майку забираются, накрывая грудь и заставляя судорожно всхлипнуть.

– На дорогу смотри, Бабочка-а-а.

Вцепилась в руль и смотрю вперед, кусая губы, пока он, едва касаясь, дразнит соски и проводит языком по шее, обжигая горячим дыханием.

– Обожаю, когда они вот так сжимаются и твердеют. Я голодный, Найса. Я такой голодный.

Его откровенность всегда повергала в шок. Он редко говорил двусмысленно. Называл вещи своими именами, заставляя дрожать от возбуждения. Так было всегда. Мадан не играл в игры. Он требовал и брал, и лишь тогда начинал дразнить долго и мучительно, озвучивая каждое прикосновение, рассказывая, что сделает дальше, и вызывая у меня едкий румянец на щеках и пульсацию между ног.

– Ты ранен, – пытаюсь сбросить его руку.

– Плевать. Когда смерть так близко, любить хочется втрое. Я валялся там и думал не о том, что могу сдохнуть, а о том, что недолюбил тебя. Все эти годы я мог по пальцам пересчитать, сколько раз тебя брал... Мало. Ничтожно мало. Трахать тебя хочу. Нежно и долго трахать, Наааай. Ты так пахнешь... твою мать, я так голодал по твоему запаху! Я знаю, ты уже влажная для меня.

О нет, не просто влажная, мои колени стиснули мотоцикл, и я прижимаюсь к его груди спиной, чувствуя, как все тело покрывается мурашками от этих мучительно медленных ласк и от его слов. Едва касается ребер, скользит по бокам и снова возвращается к соскам, пока не сжал грудь сильно, заставляя всхлипнуть.

– Я хочу тебя... сейчас хочу. Сворачивай к деревьям, Бабочка.

– Нет, – прибавила газу, и мотор яростно взревел под нами.

– Нет? – все так же кончиками пальцев по животу, заставляя его судорожно сжиматься. Потянул подол застиранного мешковатого платья вверх. Скользя между ног и сжимая плоть через материю трусиков, – Каждую ночь я представлял, как ты извиваешься подо мной и стоишь мое имя. Люди умирали вокруг, воняло мертвецами, кровью, гарью и смертью, а я думал о тебе, – двигает пальцем по материи, то надавливая, то едва касаясь, и я, тяжело дыша закатываю глаза, теряя управление, и тут же открываю, чтобы смотреть вперед. Чокнутый... мы же разобьемся.

Его голос обволакивал, просачивался в каждую пору на теле. Он голодал? Он не представляет, в каком аду жила я сама. И сейчас я в аду, и огненные языки лижут мой позвоночник от копчика к самому затылку. А он дразнит намеренно медленно, намеренно с этим потрясающе-пошлым шепотом мне на ухо, от которого сладко тянет низ живота. Его голос. Он умел им доводить до безумия, до той тонкой, как волосок, грани, когда я могла взорваться лишь от его хриплого приказа сделать это. Проникает в меня пальцем на всю длину, и по моему телу проходит судорога. Мотоцикл виляет на дороге, прыгая по щебенке.

– Какая горячая. Огненная. Бл*****ь, Найса, останавливайся. Иначе мы на хрен разобьемся, когда ты будешь кончать.

– Боишься, – застонать от резкого толчка и от ощущения, как он сильно сжал сосок, посылая по моему телу разряды в пятьсот вольт электричества, одновременно впиваясь зубами мне в затылок, – разбиться?

– Ну что ты, – еще один толчок, и я шиплю сквозь зубы, сжимая его пальцы мышцами изнутри, – я просто тоже хочу кончить, – выскальзывает наружу, размазывая влагу по моему клитору, и снова резко внутрь, – до того, как мы сдохнем, чертова эгоистка.

Мотоцикл сносит с дороги.

– Тормози, мать твою.

Сильно бью по тормозам и, слегка накренившись, мы останавливаемся возле огромного дерева с длинными тонкими листьями. Тяжело дыша, держусь за руль, чувствуя, как он сжимает меня под грудью двумя руками. Сильно. Так сильно, что мне нечем дышать.

– Сучка ненормальная.

А сам жадно целует мой затылок, прикусывая кожу, сжимает мою грудь и перекачивает соски между пальцами через материю. Его эрекция упирается мне в спину и от одной мысли, что Мадан скоро возьмет меня, хочется взвыть от нетерпения и предвкушения.

– Раздевайся, Найса, хочу тебя голой. Я, бл**ь, задолбался представлять твое тело. Я хочу его видеть.

Взвилась от едкого возбуждения, от его слов и от того, как тяжело дышит мне в затылок, продолжая сжимать мою грудь, мять ладонями.

– Давай, Най, я с ума схожу, так хочу смотреть на тебя...пожалуйста, разденься. – и мне самой нечем дышать от этого шепота, от того, что чувствую его дрожь и затрудненное дыхание, – или я раздеру эти тряпки к е***й матери.

Его «пожалуйста» – совсем не просьба. Это, скорее, наглый нажим. Давление. Сталкивает меня с мотоцикла, и я наконец-то смотрю ему в глаза. Проклятье, какой же он красивый! Секс в чистом виде – это только смотреть на него вот так диким, голодным взглядом, на эротическую маску напряжения, застывшую на его лице. Глаза ядовито-зеленые, такие ослепительно яркие, что дух захватывает и этот убийственно адский взгляд, которым сжигает мне кожу до мяса. Челюсти сжаты с такой силой, что на щеках появились впалости. Дышит рвано и тяжело. Ждет.

Сняла платье через голову и бросила рядом с собой, услышала, как выдохнул с шипением, сквозь стиснутые зубы. Стянула трусики и переступила через них. Осмотрел с ног до головы, впиваясь пальцами в кожаное сидение, отклонившись назад. Сквозь темно зеленую майку на боку выступили пятна крови.

– Сюда иди, – хрипло позвал, и я сделала несколько шагов. Прохладный ночной воздух коснулся тела, и соски сжались еще сильнее, я словно, чувствовала на них его безжалостные пальцы. Хочу и его губы. Везде на своем теле. На сосках и у себя между ног. Хочу от него все.

– Ближе.

Подошла еще ближе и застыла, глядя ему в глаза. Как же я забыла, насколько безумным может быть у него взгляд. Насколько физически осязаемым и тяжелым.

– Поставь ногу, – и я, судорожно сглотнув, уперлась подошвой высокого ботинка в кожаное сидение мотоцикла, вспыхнув от того, как Мад опустил взгляд ниже и как дернулся его кадык.

– Прикоснись к себе.

Дернул пряжку своего ремня и потянул вниз молнию, высвобождая возбужденный член. Теперь уже застонала я. Поняла, чего он хочет. Как раньше. Как когда-то, когда было нельзя. Когда мы сводили друг друга с ума обоюдными ласками и бешеными взглядами, изнывая от похоти и от страсти.

– Медленно, Бабочка, медленно, я хочу видеть, как ты начнешь дрожать и течь.

В горле так пересохло, что я глотала слюну, а там все равно драло до невыносимости, особенно когда увидела, как его ладонь обхватила член и повела вверх. Боже! Он красивый везде! Даже его плоть. Мощная, со вздувшимися венами, со скользкой блестящей кожей то закрывающей, то открывающей напряженную бархатную головку с каплей смазки. От желания прикоснуться к ней языком свело скулы.

Меня начало трясти, как в лихорадке. Пальцы двигались по собственной воспаленной плоти, а глаза следили за его рукой, и я понимала, что сейчас кончу. Так привычно и так грязно кончу у него на глазах, только глядя на то, как он себя ласкает. Резко схватил меня за запястье и сильно сжал.

– Нет.

Дернул к себе и развернул спиной, приподнял, усаживая голой промежностью на кожаное сидение, подтянул за бедра и, впиваясь пальцами в волосы, наклонил к рулю. От прикосновения сосков к холодному железу вздрогнула всем телом и тут же почувствовала, как его язык заскользил вдоль моего позвоночника. Позвонки за позвонком, заставляя корчиться от чувствительности и возбуждения. Контрастом сильные пальцы в волосах и дразнящие касания языка.

– Продолжай, Найса. Я смотрю на тебя.

Надавил на поясницу, заставляя прогнуться, притягивая еще ближе к себе, приподнимая чуть выше за ягодицы.

– М-а-а-а-ад, пожалуйста, прикоснись ко мне. – простонала и сама себя за это возненавидела.

– Позже. Смотреть хочу. Сначала сожрать тебя глазами. Я так долго не видел тебя.

Потянул мою руку вниз, заставляя скользнуть ею между ног, управляя моими пальцами. Слышу трение плоти Мадана о его ладонь, вместе со сбивчивым дыханием и со стоном, закрывая глаза, проникаю в себя пальцами. Сжимает мою ягодицу до синяков.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.